

Е. В. Тройко

**Анекдотическое начало
в цикле «Сказочек не совсем для детей»**

Л. Андреева

«Сказочки не совсем для детей» (1907–1913) Андреева до сих пор нуждаются в осмыслении. И. И. Московкина уже отметила, что Андреев создал новую разновидность литературной сказки, которая вышучивала мораль обывателей и «лжемудрость писателей, претендующих на роль учителей жизни», а также, что «от сказки к сказке уменьшается роль юмористического пафоса и возрастает роль сарказма». Дальнейшее исследование «Сказочек» целесообразно нацелить на уяснение роли в них анекдотического начала, так как анекдот и сказка очень близкие жанры. Е. Курганов отмечал,

что «и сказку и анекдот объединяет родство с мифом. Именно отсюда – пересекающиеся темы, образы, сюжеты».

Судя по всему, анекдот, как и сказка, произошел от мифа в момент его десакрализации. Но если сказка повествует о событиях, которые не могут случиться в реальности («сказка – ложь»), то в анекдоте ощутима та реальность невероятного (пусть и в игровом ключе), которая определяла суть мифа. С одной стороны, в анекдоте подчеркнута нелепое, алогичное, а с другой – он максимально убедителен. В результате возникает зона особой достоверности и остроумия, обнажающих господство глупости и абсурда, которые в анекдоте предстают как весьма распространенные и стереотипные двигатели человеческой жизни. Анекдот разрушает стереотипы и мифы, десакрализуя их. Однако, разрушая или расшатывая мифы, анекдот все же не покидает пространство мифа: *«можно определить этот жанр, как миф о мифе, как миф, разоблачающий миф»* (Е. Курганов).

Отличительными чертами его жанровой структуры являются не просто остроумие и предельный лаконизм, а такая сосредоточенность на одной ситуации (абсурдном казусе), которая переосмысливается посредством резкой смены точки зрения (пуанта), переводящей изображаемое в смеховой ракурс и приводящей к неожиданному финалу. Причем пуант, совпадающий с высшей точкой напряжения в развитии сюжета, как правило, максимально смещен к концу анекдота. В случае же кумулятивного сюжета эта напряженность постепенно нарастает, приводя к нескольким пуантам, последний из которых после паузы разрешается окончательным смеховым катарсисом.

Леонид Андреев обозначил миниатюры как «сказочки», в чем уже звучит ирония над жанром сказки, к которым они, действительно, имеют лишь формальное отношение, выраженное внешними признаками. Его «сказочкам» присуще трехкратное повторение мыслей, действий, событий, развивающихся в предельно-обобщенном хронотопе; повествование всегда ведется от третьего лица; герои «сказочек» типичны и могли бы оказаться персонажами любой народной сказки или сказки Щедрина (белочка, волк, мальчик Петя и др.). Однако можно заметить, что эти «сказочки» имеют и все отмеченные выше признаки анекдота.

События, изображенные в «сказочках», вроде бы, печальны: белочка умирает («Орешек»), теленочка съедают («Негодяй»), волк («Храбрый волк») улетает в неизвестном направлении, Всеблагой («Земля») не может помочь человечеству, а фальшивый рубль достается старому слепому лавочнику («Фальшивый рубль и добрый дядя»). Но все это вызывает смех, как в анекдотах. Например, в «Орешке» повествователь рассказывает историю о белочке, которой ангел подарил золотой орешек. Белочка хранила его на черный день, а когда решила все-таки его съесть, то оказалось, что зубов у нее уже нет, и этот орешек она расколоть не может, а поэтому умирает. Вместо сказочного нравоучения следует неожиданный, анекдотический по сути, финал, вызывающий смех: «Нравоучение. Когда дают тебе, Коля, орешек, то тут же ты его и кушай». Андреев иронизирует над обывательской мудростью, показывая относительность границ между благоразумием и глупостью. Но его «нравоучение» такое же мнимое и бессмысленное, как и «мудрость» белочки. Автор иронизирует и над самим жанром сказки, склонной к дидактизму. Похожее происходит и в других миниатюрах.

Вершиной иронии и смеха представляется «сказочка» «Храбрый волк». В ней рассказывается о волке, которому городской отрубил хвост. Волк становится посмешищем для горожан, а недовольная жена обращается в суд, дабы восстановить справедливость. Судья соглашается с женой и постановляет волку идти к доктору, чтобы тот пришел ему новый хвост. Доктор пришивает ему то утюг, то комод, то зонтик, который, в конце концов, уносит волка в неизвестном направлении. Заменители хвоста делают из волка еще большее посмешище, а последний навсегда уносит его в неизвестном направлении. В этой «сказочке» все абсурдно и смешно: герои, события кумулятивного сюжета, и неожиданная концовка. Андреев смеется над стереотипами и тотальной глупостью современников.

Единственной миниатюрой, которая вроде бы выбивается из общего тона иронических «сказочек», является «Земля». В ней представлена история об ангеле, которого Всеблагой посылает на Землю, чтобы узнать, почему люди так плачут и кричат там. Но ангелу противны грязь и гадость, которые царят на Земле, и он возвращается с предложением истребить всех в этом ужасном

мире. За брезгливость и чистоплотность Всеблагой проклинает его и ссылает на Землю, а сам решает спуститься туда. Но ангел предупреждает, что его постигнет та же участь, что и предыдущих ангелов, и он погрязнет в крови и грязи людей. Тогда Всеблагой задумался, и «онемели небеса». В этой анекдотической «сказочке» Андреев иронизирует не над сказкой, а над христианским мифом и теми, кто верит в скорое пришествие Всеблагого. Однако, разрушая христианский миф, писатель по сути создавал свой, «новый миф» – анекдот с «черным юмором» о современном мире и человеке.

Таким образом, миниатюры, входящие в цикл «Сказочки не совсем для детей», имеют сходную жанровую структуру, синтезировавшую черты литературной сказки и анекдота. В предельно лаконичной художественной форме Андреев десакрализовал мифы и обывательские стереотипы.